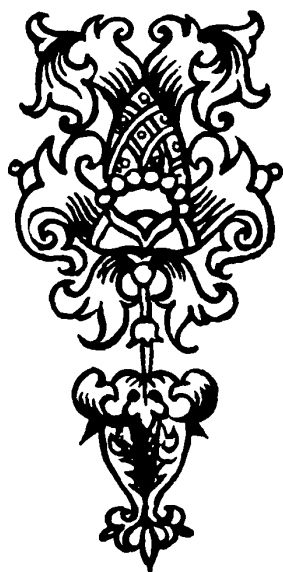

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
ДЛОВАРЯ

ДРЕВНЕРУССКОГО

ЯЗЫКА

I

ТОМ

ББК 81.2Рус-4

С 75

Срезневский И. И.

С 75   Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1: А–К. – М.:
Знак, 2003. – 776 с.

ISBN 5-94457-094-6

В словаре И. И. Срезневского, изданном в 1893—1912 гг. под наблюдением академиков А. Ф. Бычкова и А. А. Шахматова, собран огромный лексический материал как из опубликованных, так и из рукописных источников. Он стал «сокровищницей языка», о чем и мечтал И. И. Срезневский.

О большой научной и практической ценности Словаря И. И. Срезневского можно судить по тому, что общее количество его источников, из которых извлечены словарные материалы, более двух с половиной тысяч. Все основные древнейшие русские памятники (до XIV в. включительно) почти полностью были использованы. В значительной степени отражены и более поздние источники.

Словарь почти век находится в научном обороте и является незаменимым руководством при чтении древних памятников и надежным источником при изучении древнерусской лексики.

ББК 81.2Рус-4

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Знак», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-094-6

9 785944 570949 >

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

В 1912 году, в столетнюю годовщину со дня рождения выдающегося русского слависта акад. Измаила Ивановича Срезневского, Отделение русского языка и словесности Академии наук выпустило в свет последние выпуски последнего, третьего тома его известного Словаря древнерусского языка (первый выпуск был издан в 1890 г.).

Более полувека Словарь И. И. Срезневского находится в научном обороте и является незаменимым руководством при чтении древнерусских памятников и надежным источником при изучении древнерусской лексики. Тот кто когда-либо пользовался этим Словарем, понимает его подлинную цену и дорожит им, даже зная его неполноту и недостатки.

В обширной и многогранной научной деятельности И. И. Срезневского его Словарь занимает исключительное место: ученый работал над ним почти непрерывно всю свою творческую жизнь. Интерес к вопросам лексикологии и лексикографии зародился у Срезневского с юных лет. Еще в начале тридцатых годов, до путешествия с научной целью по славянским странам, он приступил к собиранию словарных материалов, выписывая на карточки из различных источников заинтересовавшие его слова. В сороковых и шестидесятих годах И. И. Срезневский выступает с целым рядом статей по вопросам славянской и западноевропейской лексикографии, в которых он показал себя хорошим знатоком и исследователем этой области науки. С середины сороковых годов началась его работа по собиранию и систематизации материалов для словаря древнерусского языка. И работу эту он вел до конца своей жизни, до 1880 года. В середине шестидесятих годов, после длительных поисков, он окончательно определил тип словаря и принципы его построения. Главная цель словаря, по Срезневскому, — это «быть сокровищницей языка, памятником быта и образованности народа, насколько они выражаются в языке». А чтобы словарь стал сокровищницей, он должен содержать по возможности весь лексико-фразеологический состав привлекаемых источников, и на эту сторону своего словаря И. И. Срезневский обращал сугубое внимание. Прекрасное знание древнерусских текстов, как изданных, так и рукописных, многолетнее пристальное их изучение дали И. И. Срезневскому возможность собрать огромный лексический материал. Но он хорошо знал, что достичь идеала в отношении исчерпывающего охвата всего словарного материала при составлении любого словаря языка невозможно. Поэтому он предупреждал: «Само собою должно разумеется, что хороший, достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза, что ни в одной книге пропуски и неверности, вольные и невольные, не столько возможны и простительны, как в словаре, что самый удовлетворительный словарь по времени теряет все более свое достоинство, все более требует поправок и дополнений»¹⁾.

Но И. И. Срезневскому лично не удалось довести до конца свой сорокалетний труд: он окончательно подготовил к печати лишь первые две буквы. После его смерти дело подготовки и издания Словаря перешло к его дочери Ольге Измаиловне, посвятившей словарю тридцать два года своей трудовой жизни (1880—1912). В этой сложной и тяжелой работе ей помогали остальные члены семьи И. И. Срезневского, в особенности его сын Вячеслав Измаилович. Общее наблюдение за обработкой и изданием Словаря вели члены Академии наук: первый том и два выпуска второго тома были подготовлены и напечатаны под руко-

---

¹⁾ И. И. Срезневский. Обозрение замечательнейших из современных словарей. «Известия Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. III, 1854, столб. 154.

водством акад. А. Ф. Бычкова (умер в 1899 г.). Дальнейшее наблюдение за изданием взял на себя акад. А. А. Шахматов.

Только благодаря неустанной заботе и повседневной помощи Отделения русского языка и литературы Академии наук труд всей жизни И. И. Срезневского увидел свет и стал достоянием науки.

О большой научной и практической ценности Словаря И. И. Срезневского можно судить по тому, что общее количество его источников, из которых извлечены словарные материалы, достигает 2700. Все основные древнейшие русские памятники (до XIV в. включительно) почти полностью были использованы. Тексты более поздней поры (XV—XVI вв.) нашли в Словаре лишь частичное отражение.

Словарь И. И. Срезневского — величественный памятник русской исторической лексикографии. Как всякий классический труд, он никогда не утратит своего исторического значения даже тогда, когда будут изданы более совершенные словари древнерусского языка.

Советское поколение русских лексикографов с благодарностью и с чувством признательности повторяет слова И. И. Срезневского: «Тем дороже должны быть ценимы труды тех ученых, которые даровитостью, умением, ученостью и терпением успевали преодолевать трудности, неразлучные с составлением словаря, и, пользуясь работами предшественников, достигали в своих словарях счастливой полноты, сколько это было возможно в их обстоятельствах»²).

С. Г. БАРХУДАРОВ,
член-корреспондент АН СССР

---

²) И. И. Срезневский. Там же. Столбец 155.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА

ПО

ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

ТРУДЪ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

А — К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1893.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Сентябрь 1803 г.

И. д. Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *Н. Дубров*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Словарь древняго Русскаго языка“, вѣрнѣе „Словарь Русскаго языка книжнаго и народнаго по древнимъ памятникамъ“, представляетъ собою трудъ всей второй половины жизни И. И. Срезневскаго, начиная съ его переѣзда изъ Харькова въ С.-Петербургъ (1847 г.) до послѣднихъ дней 1879 года и начала 1880 года, когда онъ работалъ надъ выписками изъ драгоцѣннаго памятника XIV вѣка — Пятикнижія Моисеева.

Словарныя работы Измаила Ивановича и въ самомъ началѣ и позже шли исподволь, не нарушая другихъ занятій и не выдѣляясь изъ работъ по изслѣдованію памятниковъ Русской письменности, а скорѣе лишь помогая имъ, способствуя болѣе тщательному изученію языка памятника. „Свободное время отъ обязанностей служебныхъ“, говоритъ Измаиль Ивановичъ въ одной невапечатанной замѣткѣ, „я посвящаю собиранію матеріаловъ 1) для палеографическаго обзорѣнія памятниковъ древней Русской письменности и 2) для Русскаго словаря, преимущественно по этимъ памятникамъ. Тотъ и другой трудъ идетъ медленно и, какъ всякому понятно, одинъ отъ другого въ зависимости“. Первоначально были составлены словари къ отдѣльнымъ произведеніямъ древней литературы, напр. къ „Житію Бориса и Глѣба“, или къ отдѣльнымъ изданіямъ памятниковъ, каковы краткіе словари къ Актамъ юридическимъ, Актамъ Археографической экспедиціи (т. I), Русскимъ достопамятностямъ (т. I), — или совокупно къ цѣлому ряду памятниковъ близкихъ по содержанію, каковъ довольно подробный словарь къ грамотамъ. Подобныя работы Измаиль Ивановичъ поручалъ также своимъ слушателямъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Педагогическомъ институтѣ; такимъ образомъ были составлены словари къ Синодальному списку „Русской правды“, къ „Слову Данила заточника“, къ „Псковской судной грамотѣ“ и многіе другіе; таково же происхожденіе напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ словарей А. Н. Пыпина къ Новгородской лѣтописи, Н. Г. Чернышевскаго къ лѣтописи Ипатьевской, П. А. Лавровскаго къ Новгородскимъ и Псковскимъ лѣтописямъ и др. Вызывая на подобныя труды своихъ слушателей, Измаиль

Ивановичъ несомнѣнно вліялъ въ томъ же направленіи и на лицъ, выступившихъ уже на ученое поприще; результатомъ такихъ вліяній были, между прочимъ, работы преосвященнаго Амфилохія. Надо добавить къ сказанному, что, поощряя своихъ учениковъ и другихъ лицъ къ словарнымъ занятіямъ, Измаилъ Ивановичъ съ полною готовностію и радостію предоставлялъ ученымъ пользоваться для ихъ работъ собранными имъ словарными матеріалами; въ числѣ такихъ лицъ были между прочимъ гг. Н. Я. Аристовъ, А. С. Будиловичъ, А. М. Гезенъ, Л. Н. Майковъ, В. В. Макушевъ, Е. О. Фортунатовъ и многіе другіе.

Въ словарныхъ работахъ Измаила Ивановича въ первое время нельзя отмѣтить какой нибудь системы, какъ въ отношеніи объема словаря по времени написанія памятниковъ, такъ и по принадлежности ихъ древне-Русскому или Церковнославянскому языку; не только система, но даже способъ выписыванья словъ изъ памятниковъ не были опредѣлены. Работая уже надъ словаремъ, составитель его предполагалъ ввести въ него и слова изъ современнаго языка, какъ это видно изъ одной ненапечатанной его замѣтки. Въ этой замѣткѣ была впервые высказана мысль о словарѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ (1850-е года). Въ 1860-хъ гг. работа надъ словаремъ (еще словаремъ Русскаго языка, а не исключительно древне-Русскаго) получила сильное движеніе впередъ: „разработка матеріаловъ для словаря Русскаго языка“, говорится въ ненапечатанной краткой замѣткѣ Измаила Ивановича о его трудахъ (1863), стала его „главнымъ занятіемъ“; „матеріалы для словаря древняго Русскаго языка“, говорится въ той же замѣткѣ, „уже приготовлены, матеріалы для словаря основныхъ словъ Русскаго языка почти всѣ собраны“¹⁾. Къ концу 1860-хъ гг. планъ словарной работы, составъ, содержаніе и система словаря уже были опредѣлены Измаиломъ Ивановичемъ болѣе или менѣе точно. Очеркъ всей этой работы мы находимъ въ его запискѣ, представленной имъ, вмѣстѣ съ рукописью начала Словаря, въ засѣданіи Второго Отдѣленія Академіи Наукъ 28 апрѣля 1866 г.

„Русскій языкъ въ своемъ составѣ, насколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени“, говорится въ этой запискѣ, „представляетъ три порядка словъ: 1) слова, бывшія въ употребленіи издревле и частью *только* въ древности, 2) слова, вошедшія въ употребленіе не ранѣе XIV—XV вѣка или и позже, до начала XVIII вѣка частью, и бывшія въ употребленіи *только* въ это время, 3) слова, вошедшія въ употребленіе въ послѣдніе полтора вѣка.

„Изъ всѣхъ этихъ словъ одни искони должны были принадлежать народу, другія были достояніемъ книжнаго употребленія и только частью переходили въ общенародное употребленіе. Изъ тѣхъ и другихъ наиболѣе важны: 1) слова, выражающія такъ или иначе быть народный, и 2) слова, изображающія отвлеченныя или научныя понятія и представленія. Не только изслѣдователю языка и словесности, но и историку и археологу любопытно, а иногда и важно знать, съ какого времени и какъ тѣ или другія слова этихъ двухъ отдѣловъ вошли въ употребленіе, и какъ долго удерживались, если не остались принадлежностью нынѣшняго языка.

„На эти слова я обращалъ особенное вниманіе, собирая матеріалы для словаря Русскаго языка. Я не упустилъ изъ виду ни одного такого слова, гдѣ бы оно мнѣ не встрѣтилось; но многія занесъ на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполнѣ тѣмъ источни-

1) Ср. Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за 1861 г., сост. Никитенко, стр. 61—62.

комъ, изъ котораго ихъ занялъ. Памятниками XV — XVIII вѣковъ я пользовался всего болѣе для объясненія словъ нынѣ употребительныхъ. Только изъ памятниковъ XI — XIV вѣка (Русскаго письма) я старался выбрать всѣ слова безъ исключенія и вмѣстѣ съ словами все, что можетъ годиться для ихъ объясненія.

„Вслѣдствіе этого словарный запасъ, мною собранный по Русскому языку, можетъ быть всего правильнѣе раздѣленъ на двѣ части:

„1) Словарь Русскаго языка по древнимъ памятникамъ, 2) Словарь Русскаго языка, съ указаніями на памятники прошедшаго времени.

„Отбирая отдѣльно листки со словами, принадлежащими къ этой второй части, я занялся перепиской первой части, т. е. словаря по древнимъ памятникамъ. . .

„Данныя, вошедшія въ мой словарь, извлечены изъ всѣхъ памятниковъ нашей древности, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ или въ спискахъ. Собственно Русскіе памятники, насколько они мнѣ извѣстны, — лѣтописи, грамоты, уставы, посланія, слова, сказанія, житія святыхъ, записи и написи, — собраны мною для словаря всѣ безъ исключенія. Памятники Славяно-Русской церковной письменности также изслѣдованы мною въ словарномъ отношеніи, но еще не всѣ. Памятники не прочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запасъ. Не смѣю думать о совершенной полнотѣ моего труда; тѣмъ не менѣе хотѣлось бы достигнуть всего по моимъ силамъ и средствамъ возможнаго“¹⁾.

Изъ этой записки видно, что въ 1866 году планъ Словаря отчасти опредѣлился. Нѣкоторыя измѣненія произошли во время печатанія пробныхъ листовъ, благодаря обсужденіямъ и замѣчаніямъ сочленовъ Измаила Ивановича по Академіи и нѣкоторыхъ постороннихъ ученыхъ, знаніе и опытность которыхъ наиболѣе имъ цѣнились. Замѣчанія этихъ лицъ, во многомъ интересныя, сохранились на корректурныхъ листахъ словаря, напечатанныхъ въ 1866—68 г.²⁾ Печатаніе словаря, какъ извѣстно, остановилось на первомъ же листѣ вслѣдствіе того, что Измаиль Ивановичъ нашелъ нужнымъ включить въ свой словарь словарный матеріалъ изъ нѣсколькихъ памятниковъ древней письменности, дотогѣ имъ неизслѣдованныхъ. Такимъ образомъ дѣло было отложено. Черезъ нѣсколько времени — въ концѣ 1860-хъ или въ началѣ 1870-хъ гг. — Измаиломъ Ивановичемъ была сдѣлана новая проба печатанія Словаря для выбора его внѣшняго вида, шрифта, формата и т. п. Не смотря на двукратный приступъ къ печатанью Измаиль Ивановичъ заявлялъ въ 1869 году на первомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, что онъ еще „недостаточно опредѣлилъ для себя самый планъ труда“, такъ какъ постепенно „расширяетъ его рамку“³⁾. Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ система въ это время уже выработалась, и при сравненіи нынѣшняго изданія Словаря съ корректурными листами 1860-хъ гг. нельзя замѣтить ощутительной разницы въ общихъ чертахъ и планѣ. Въ это время, между прочимъ, окончательно опредѣлился довольно разнообразный дотогѣ способъ выписыванія словъ; въ 1869 г. на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ Измаиломъ Ивановичемъ было высказано предположеніе выписывать фразу, въ которой встрѣчается приводимое слово, въ полной и опредѣленной формѣ и никогда не дѣлать „глухихъ

1) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. V—VII.

2) Замѣтки на корректурныхъ листахъ принадлежатъ пресов. Амфилохію, К. Н. Бестужеву-Рюмину, А. Ф. Бычкову, Я. К. Гроту и П. И. Саввантову.

3) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СXXXIV.

ссылкъ"; при этомъ Измаилъ Ивановичъ руководствовался слѣдующими основаніями: если слово употреблено въ памятникѣ только въ одномъ смыслѣ, то, хотя бы оно и нѣсколько разъ повторялось въ одномъ и томъ же памятникѣ, надо выбирать только то мѣсто, въ которомъ смыслъ слова какъ можно рѣзче выражается; напротивъ, если слово употребляется съ разными оттѣнками, надо дѣлать нѣсколько выписокъ изъ одного памятника, чтобы указать разные оттѣнки въ значеніяхъ того же самаго слова¹⁾. Дальнѣйшій вопросъ, представлявшійся Измаилу Ивановичу при первоначальной работѣ касательно выписки словъ изъ памятниковъ, заключался въ томъ, какія слова выписывать, — всѣ ли, или не всѣ. Этотъ вопросъ онъ разрѣшилъ такимъ образомъ (1869 г.):

„Можно имѣть въ виду“, говоритъ онъ, „два отдѣльные рода словъ: или слова преимущественно рѣдкія и не часто встрѣчающіяся, но любопытныя для филолога и изслѣдователя, или слова обыкновенныя. Такъ, слово изгой, древне-Русское слово, не встрѣчающееся въ тѣхъ памятникахъ Церковнославянскихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ Русскимъ. Конечно, при разсмотрѣніи такого любопытнаго слова, нельзя упустить ни одного мѣста, гдѣ оно упоминается. Но на такія ли только любопытныя слова долженъ обращать вниманіе изслѣдователь языка или составитель словаря? На такія слова многіе уже обращали вниманіе, и, если будетъ обращено вниманіе только на такія слова, то конечно словарь представитъ безспорно любопытный матеріалъ, но онъ не будетъ словаремъ, который сообщилъ бы понятіе объ образованности, о жизни и характерѣ народа. Всякому филологу извѣстно, что для того чтобы говорить даже краснорѣчиво о всѣхъ предметахъ обыкновеннаго разговора, нужно очень немного словъ — отъ 2 до 3 тысячъ. Если будемъ сравнивать писателей, то увидимъ между ними большую разницу, и именно по степени ихъ образованности, ихъ вниманія къ собственной мысли и ихъ желанія выразаться какъ можно яснѣе. Не только писатели, но есть конечно и такіе народы, которые пользуются очень незначительнымъ количествомъ словъ, положимъ тысячами двумя; даже есть такіе, которые довольствуются одною тысячею; но есть другіе писатели и другіе народы, которые желаютъ выразить все опредѣлительно и очевидно, такъ что имъ двухъ тысячъ словъ недостаточно. Какъ у человѣка это зависитъ отъ его характера, отъ степени его образованности, такъ и у народа это одинаково зависитъ отъ его характера и отъ степени его развитія. Если въ словарь мы увидимъ массу словъ обычныхъ, постоянно употребляемыхъ и встрѣчающихся во всѣхъ памятникахъ, то можемъ ли мы считать этотъ отдѣлъ словъ такою же принадлежностью языка самого народа, какою считаемъ слова того или другого писателя, который ихъ употребляетъ постоянно, какъ свою неотъемлемую собственность? По количеству этихъ словъ можно судить о степени образованности и о характерѣ народа. Потомъ встрѣчаются другія обстоятельства, не менѣе важныя: народныя обычаи и понятія народа. Всякое слово есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умомъ представляемой, умственного предмета. Что касается до словъ перваго рода, до тѣхъ, которыя выражаютъ вещь, какъ она есть, предметъ, какъ онъ существуетъ, его качества, дѣйствія, которыя мы производимъ на него, или которыя онъ самъ производитъ, то всѣ эти слова совокупно изобразятъ внѣшнюю жизнь народа. Если обратить вниманіе на слова втораго рода, которыя касаются ума, то въ нихъ представится умственная и нравственная жизнь народа. Со многими изъ словъ этого втораго разряда соединены очень своеобразныя воззрѣ-

1) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СXXXVII.

нія народа, такъ что составитель словаря, который будетъ знакомиться съ значеніемъ этихъ словъ въ языкѣ народа, долженъ останавливаться на такихъ мѣстахъ въ его памятникахъ, которыя содержатъ всѣ оттѣнки различныхъ значеній этихъ словъ. Возьмемъ такое простое слово, какъ слово Богъ, т. е. простое, потому, что оно принадлежитъ каждому человѣку и каждому народу. Если мы соберемъ все, что представляютъ намъ памятники нашей древности, нашей народной мысли о Богѣ, то мы получимъ возрѣніе древне-Русскаго народа о Богѣ, частью совершенно нехристіанское, языческое, а частью и совершенно христіанское. Такимъ образомъ изъ систематическихъ сообщеній о всѣхъ словахъ подобнаго рода представится философія народа въ хронологическомъ порядкѣ. Но возвращаясь къ словамъ перваго отдѣла, т. е. къ предметамъ вещественнымъ, къ ихъ качествамъ и дѣйствіямъ, которыя относятся преимущественно къ обычаямъ народа, къ его жизни, такъ сказать, вещественной, нужно узнать, когда они употребляются, и, поступая съ ними какъ съ словами отвлеченныхъ понятій, опредѣлить съ точностью ихъ значеніе, на сколько это возможно, выписками изъ самихъ памятниковъ, гдѣ эти слова употребляются. При недостаткѣ памятниковъ для точнаго уясненія значенія слова, можно по необходимости прибѣгнуть къ соображеніямъ. Наконецъ въ словарь должно внести значительное количество словъ первообразныхъ, производныхъ и сложныхъ. Изъ сложныхъ и производныхъ словъ есть дѣйствительно такія, которыя достойны вниманія, или какъ предметъ археологіи, или какъ предметъ фізіологіи древне-Русскаго народа“¹⁾.

Таковы были предположенія Измаила Ивановича относительно вступительной работы къ словарю, относительно того, что выписывать изъ памятниковъ и какъ выписывать. Слѣдующій вопросъ, разрѣшеніе котораго представлялось наиболѣе затруднительнымъ Измаилу Ивановичу, заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего громаднаго словарнаго матеріала, относившагося не только къ Русскому, древне-Русскому и Церковнославянскому, но и къ ино-Славянскимъ языкамъ, того, что представляло собою исключительно языкъ Русскаго народа до XIV—XV вѣка. Имѣя въ виду именно такое выдѣленіе, составитель словаря предполагалъ дать своему труду названіе „Словаря народнаго и церковнаго языка“, или „Словаря книжнаго и народнаго языка по древнимъ памятникамъ Русскаго письма“, или „Словаря древне-Русскаго языка“. Послѣднее названіе Измаилъ Ивановичъ, надо думать, понималъ не въ смыслѣ только возможно полнаго запаса словъ и реченій живаго, народнаго языка древней Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ совокупности всѣхъ словъ и выраженій языка Церковнославянскаго, усвоенныхъ и распространенныхъ среди образованнаго класса древней Руси, среди Русскихъ книжныхъ людей X—XV вв.

„Древне-Русскій языкъ“, говорится въ запискѣ, прочитанной Измаиломъ Ивановичемъ на первомъ Археологическомъ съѣздѣ, „безъ сомнѣнія отличается отъ такъ называемаго Церковнославянскаго; но трудно отдѣлить эти языки одинъ отъ другого, какъ напримѣръ позволить себѣ одинъ изъ писателей Сербскихъ, составляя словарь древне-Сербскаго языка, отдѣлить его отъ Церковнославянскаго. Такое отдѣленіе настолько же невозможно, какъ невозможно нашъ теперешній Русскій языкъ, который употребляется въ разговорѣ, въ книгахъ, въ дипломатическихъ бумагахъ, отдѣлить отъ престопаго Русскаго языка. Еще въ нынѣшнее время, имѣя въ виду два условія — необразованіе и образованіе, мы можемъ по крайней мѣрѣ положить границу между языкомъ съ одной стороны людей необразованныхъ, съ другой — книж-

¹⁾ Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (М. 1871), т. I, стр. СХХХVI—СХХХVII.

нымъ языкомъ людей, которые пользуются разными другими языками и исторически образованы. Тутъ есть возможность положительнаго отдѣленія. Но въ давнее время, какъ кажется, невозможно проложить такую механическую границу, хотя существуетъ, такъ сказать, рутинное средство для этого; на примѣръ слово благо есть Славянское слово, а слово добро — Русское. Такими внѣшними качествами можно руководствоваться, чтобы опредѣлить нѣсколько сотенъ, можетъ быть, нѣсколько тысячъ словъ; но говоря: это слово — Славянское, а это — Русское, рискуешь принять за Славянское то, что есть обще-Славянское, а не Церковнославянское, которое сдѣлалось нашею собственностью вмѣстѣ съ христіанствомъ. А если въ формѣ словъ нѣтъ никакихъ признаковъ особенности, то вопросъ дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ. Есть нѣкоторыя окончанія словъ, которыя въ народномъ языкѣ менѣе обычны, на примѣръ на ство, на ость, на ще; но и тутъ опять является механическое отдѣленіе. Почему же предполагать, что въ простонародномъ языкѣ, т. е. въ народномъ Русскомъ языкѣ, эти окончанія въ то время не были обычны? Они, какъ Славянскія окончанія и бывшія обычными, могли же быть обычными и въ Русскомъ? Изъ всего этого видно, что нельзя составлять словаря Русскаго языка только народнаго, а нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, составлять и словарь книжнаго языка — слѣдовательно всѣхъ словъ, которыя можно прослѣдить въ памятникахъ. Что же касается самыхъ памятниковъ, то тутъ надо обращать вниманіе на всѣ различные ихъ роды. Безъ сомнѣнія значительное количество ихъ принадлежитъ къ памятникамъ, которые намъ достались отъ южныхъ Славянъ, употреблявшихъ Славянскій языкъ, и къ которымъ сдѣланы дополненія у насъ на Руси. Эти дополненія бываютъ двухъ родовъ: одни суть переводы съ Греческаго, другія — Русскія произведенія, которыя написаны по примѣру Греческихъ. Такъ, даже въ числѣ памятниковъ чисто церковной литературы, мы встречаемъ такія подражанія, которыя суть подражанія и по языку, и по мысли. Къ числу такихъ подражаній принадлежатъ нѣкоторыя изъ стихирарей, изъ каноновъ, изъ житій святыхъ. Можно указать на образцы, на оригиналы, съ которыхъ они списаны, или которымъ подражали Русскіе авторы этихъ произведеній; на нихъ еще мало обращали вниманіе знатоки нашей Славянской письменности. Многое въ этихъ произведеніяхъ указываетъ ясно на подражаніе, и даже, можетъ быть, въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ найдутся такія же подражанія; но отдѣлить это отъ Русскихъ памятниковъ невозможно. Нужно брать все, что находится между памятниками Русскаго письма. Самыя лѣтописи представляютъ языкъ Русскій, почти чистый, т. е. безъ примѣси такихъ выраженій, которыя можно считать не народными Русскими, а заимствованными изъ языка Церковнославянскаго. Отдѣльныя сказанія, поэтическія сказанія о событіяхъ, къ сожалѣнію, оставшіяся у насъ въ очень небольшомъ количествѣ (только два), далѣе — записки о путешествіяхъ, затѣмъ грамоты, уставы, Правда въ разныхъ измѣненіяхъ, потомъ — разнаго рода написи, записи на вещахъ, на стѣнахъ въ храмахъ, на иконахъ, на крестахъ, на церковныхъ одеждахъ, на гривнахъ, на монетахъ и т. п., — вотъ тѣ памятники, достойные полнаго вниманія и даже иногда — бдльшаго вниманія, чѣмъ тѣ, о которыхъ было говорено выше и которые принадлежатъ къ отдѣлу литературы другого времени“¹⁾.

Такимъ образомъ взгляды Измаила Ивановича на систематизацію собираемаго имъ словарнаго матеріала въ отношеніи языка памятниковъ къ концу 1860-хъ годовъ опредѣлились

1) Труды Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СXXXIV—СXXXVI.

уже почти окончательно. Въ отношеніи систематизаціи того же матеріала по времени написанія памятниковъ, послужившихъ источниками словарю, предположенія его автора въ 1860-хъ гг. не были вполне установлены; лучше всего они выражаются въ той запискѣ, которую мы приводили выше и которая была прочтена Измаиломъ Ивановичемъ въ засѣданіи Отдѣленія 28 апрѣля 1866 г. Изъ нея слѣдуетъ, что матеріалами или источниками для Словаря должны служить во-первыхъ памятники Русской письменности лишь до XIV вѣка, и во-вторыхъ памятники до XIV вѣка во всемъ ихъ объемѣ. Первое положеніе наглядно выказывается въ сохранившихся тетрадяхъ словаря, представленныхъ при запискѣ, прочитанной 28 апрѣля 1866 г. Въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ кругъ памятниковъ постепенно расширялся и захватилъ сначала XV-е столѣтіе, а затѣмъ даже XVI-е, — послѣднее, впрочемъ, только случайными выписками, по большей части вошедшими въ словарь, благодаря рецензій Измаила Ивановича на извѣстный трудъ П. И. Савваитова „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ“ и пр. (С.-Пб. 1865). Это дальнѣйшее движеніе проявилось въ самомъ концѣ 1860-хъ гг., въ корректурныхъ листахъ словаря, къ печатанью котораго, какъ сказано выше, было приступлено въ это время. Расширеніе количества памятниковъ по времени продолжалось и послѣ 1860-хъ гг.; оно не шло, впрочемъ, далѣе XVI—XVII вв. Для того, чтобы показать, какъ вмѣстѣ съ движеніемъ словарной работы увеличивалось число словъ, главнымъ образомъ въ зависимости отъ принадлежности ихъ тому или другому времени, позволяемъ привести отрывокъ (стл. 15-й изд. 1890 г.):

въ тетради 1866 г.	въ корр. лист. 1866—68-го г.	въ изд. 1890 г.
аламъ	аламъ	аламъ
		алафа (XVI в.)
		алача (XVI в.)
	алачѣга (XIV в.)	алачюга
	алаѣни (XI в.)	алаѣни
алгатъ	алгатъ	алгатъ
		алгѣи (XIV в.)
алдига	алдига	алдига

Другой примѣръ (стл. 45—46):

пробный наборъ конца 1860-хъ или начала 1870-хъ гг.	изд. 1890 г.
батати	батати
	батыанъ (XV, XVI в.)
батыгъ	батыгъ
бата	бата
	батысъ (XVI—XVII в.)
бахматъ (есть прим. 1608 г.)	бахматъ
башмакъ.	башмакъ.

Изъ этихъ примѣровъ очевидно расширеніе словарнаго матеріала по времени. Оно очевидно также и изъ содержанія отдѣльныхъ статей словаря въ разныхъ редакціяхъ; напр. подъ сл. баранъ въ пробномъ наборѣ 1860—1870 гг. примѣръ изъ памятника относится къ 1392 г., въ изданіи 1890-го г. — къ 1392 и 1589 г.; подъ сл. башмакъ въ пробномъ наборѣ примѣръ 1446 г., въ изданіи 1890-го г. — 1446 и 1642 г.

Въ заключеніе надѣ коснуться принятаго Измаиломъ Ивановичемъ способа составленія толкованій или поясненій словъ. Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются корректуры 1866—68-хъ г., послужившія образцомъ для всего изданія. Приводимое слово, какъ видно изъ корректуръ, должно быть сопровождаемо переводомъ на Латинскій и современный Русскій языкъ; въ отношеніи перевода словъ на Греческій языкъ, Измаиль Ивановичъ предполагалъ приводить переводъ большею частью лишь въ томъ случаѣ, если можно указать, что именно это слово было въ томъ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ на древне-Русскій или Старославянскій языкъ¹⁾. Отдѣльные примѣры на слова было предложено Измаиломъ Ивановичемъ располагать въ хронологическомъ порядкѣ источниковъ, при чемъ хронологія должна была быть проводима отдѣльно при каждомъ особомъ смыслѣ слова, но не соблюдается при выпискахъ изъ св. писанія, помѣщаемыхъ впереди другихъ примѣровъ. Въ концѣ статей Измаиль Ивановичъ приводилъ сближенія съ иностранными словами — дополненіе послѣднихъ лѣтъ его работы надъ словаремъ.

Приступая къ печатанію Словаря Измаила Ивановича Срезневскаго вскорѣ послѣ его смерти, Второе отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ, взявшее на себя изданіе этого труда, первоначально предполагало печатать Словарь „въ томъ совершенно видѣ, въ какомъ онъ оставленъ покойнымъ“. При болѣе близкомъ ознакомленіи съ этимъ трудомъ оказалось невозможнымъ остаться при такомъ предположеніи, такъ какъ значительная часть карточекъ была еще не въ совершенномъ порядкѣ, часто безъ выписокъ изъ памятниковъ, а лишь съ глухими ссылками, указывающими на страницы изданій или листы рукописей; кромѣ того часть Словаря заключалась въ самостоятельныхъ словаряхъ къ отдѣльнымъ памятникамъ или изданіямъ памятниковъ; наконецъ по сохранившимся указаніямъ Измаила Ивановича словарный матеріалъ долженъ былъ быть дополненъ выписками словъ, отмѣченныхъ имъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Эти обстоятельства, сообщенныя Отдѣленію Я. К. Гротомъ въ засѣданіи 13 марта 1881 г., повели за собой нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ планѣ Отдѣленія, вслѣдствіе чего было рѣшено печатать Словарь не въ томъ „видѣ“, а въ томъ „объемѣ“, въ какомъ онъ былъ найденъ послѣ смерти Измаила Ивановича; при этомъ было присовокуплено желаніе Отдѣленія „не слишкомъ затруднять приведеніе Словаря въ порядокъ различными требованіями его улучшенія“ и лишь провѣрить нѣкоторыя выписки изъ памятниковъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія Отдѣленія словарный матеріалъ, оставшійся послѣ смерти Измаила Ивановича, былъ по возможности приведенъ въ порядокъ и выписки изъ памятниковъ были провѣрены по изданіямъ, снимкамъ, спискамъ или подлиннымъ рукописямъ. При всѣхъ работахъ надъ Словаремъ было принято за правило держаться того образца, который оставленъ Измаиломъ Ивановичемъ въ видѣ поправленнаго и переработаннаго имъ самимъ корректурнаго листа, напечатаннаго въ 1866—68-мъ году. Единственнымъ дополненіемъ къ Словарю является указатель встрѣчающихся въ немъ сокращеній въ ссылкахъ при выпискахъ изъ памятниковъ. Необходимо оговорить, что этотъ указатель составленъ на основаніи лишь перваго тома, почему не можетъ имѣть притязанія на совершенную полноту. вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что нѣкоторыя ссылки не удалось объяснить вполне точно, главнымъ образомъ по тому, что осталось очень мало указаній на то, какою рукописью Измаиль Ивановичъ пользовался въ томъ или другомъ случаѣ; таковы ссылки при выпискахъ изъ Временника Георгія Амартола, изъ нѣко-

1) Записка 28 апрѣля 1866 г.

торыхъ книгъ св. писанія и др. Нѣкоторая, можетъ быть чрезмѣрная, подробность въ раскрытіи значенія ссылокъ, объясняется тѣмъ, что при составленіи указателя предполагалось какъ можно рѣже отсылать читателя къ изданію или описанію того или другого памятника и тѣмъ возможно менѣе его затруднять; эта цѣль имѣлась въ виду, между прочимъ, при указаніяхъ, въ подлинникѣ или въ списокѣ сохранился памятникъ, по изданію, по снимку или по подлиннику проверены выписки: списокъ или подлинникъ можетъ засвидѣтельствовать несомнѣнность или сомнительность въ вопросѣ о принадлежности слова времени составленія памятника; изданіе или снимокъ можетъ показать непосредственно или черезъ какое нибудь посредство читатель Словаря знакомится съ текстомъ.

Всѣ воззрѣнія Измаила Ивановича на систематизацію словарнаго матеріала, на способъ выписыванія словъ, на способъ составленія толкованій и поясненій каждаго слова были на сколько возможно примѣняемы при посмертномъ изданіи его труда; не смотря на это Словарь всетаки въ томъ видѣ, какъ онъ печатается теперь, представляетъ собою не вполне то, что хотѣлъ изъ него сдѣлать Измаиль Ивановичъ. Эта участь Словаря, участь, присущая почти всѣмъ посмертнымъ изданіямъ, была причиной того, что трудъ Измаила Ивановича названъ „Матеріалами для словаря древне-Русскаго языка“, а не „Словаремъ древне-Русскаго языка“ или „Словаремъ книжнаго и народнаго языка“, какъ Измаиль Ивановичъ думалъ назвать свой трудъ еще въ 1869 году, когда на первомъ Археологическомъ съѣздѣ это наименование возбудило оживленныя пренія между его членами.

Приготовленіе къ печати Словаря Измаила Ивановича Срезневскаго было поручено Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ дочери Измаила Ивановича Ольгѣ Измаиловнѣ Срезневской, издавна помогавшей своему отцу въ его работахъ и, благодаря этому, еще при жизни Измаила Ивановича ознакомившейся съ его планами и предположеніями относительно изданія Словаря. Въ работахъ ея въ послѣдствіе принялъ участіе ея братъ Всеволодъ Измаиловичъ Срезневскій. Наблюденіе за печатаніемъ труда Измаила Ивановича по предложенію Отдѣленія взялъ на себя Аванасій Федоровичъ Бычковъ, раздѣлившій съ О. И. и В. И. Срезневскими трудъ чтенія корректуръ, просмотра въ словарѣ ссылокъ на памятники и составленія указателя источниковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА

ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

А.

А — буква, назыв. азъ. Буква а вмѣсто слова азъ употреблена въ *Мол. Госп. Апож. XIII в. л. 109*. Употребляется и какъ цифра: $\bar{a} = 1$, а со знакомъ съ лѣвой стороны $\bar{a}$ или $\bar{a} = 1000$: — Въ глѣто $\bar{a}$ ѿпа написа Іванъ дивакъ изборникъ съ. *Изб. 1073 г.* Ишлѣ быль $\bar{a}$ ѿ рѣтва Гѣа. до сего глѣта $\bar{a}$ глѣть. и $\bar{c}$ лѣ и $\bar{i}$ глѣ. и $\bar{k}$. *Смол. грам. 1229 г.*

А — союзъ соединительный начинательный, употребляемый для соединенія выраженія съ прежде сказаннымъ, какъ мысли съ мыслию, et, que, atque: — Далъ ксмь ты соуды церквамъ... а по семь не надобѣ вѣстопатиса ни дѣтемъ моимъ ни вноучатомъ... ни в люди церковныѣ ни во всѣ соуды ихъ. *Церк. уст. Влад. д. 1011 г.* А своимъ тиоуномъ приказываю соуда церковнаго не шбидѣти. *т. ж.* А что боудеть съ нимъ погыбло. тоже кмоу начнетъ платити. *Р. Прав. Яр. 1019 г.* А то же поконъ и тивоунидоу. *Р. Прав. Из. п. 1054 г.* А се оуставилъ Володимиръ Всеволодичъ. *Р. Прав. Вл. Мон. п. 1114 г.* А Бѣ дѣла пусти ю ко мнѣ. *Пис. Влад. Мон. 1096 г.* А кже рѣхъ кровь рыбию ѣмъ. нѣтоу бѣды. *Вопр. Кир.* А не сорокы вѣтроскоташа. *Сл. плк. Иор.* А се брат(и). ... отрокъ съ женою. *Грамм. Хут. п. 1192 г.* — Иногда а повторяется: — Стрѣи ти ѡмерлѣ. а по Олга ти послали. а дрѣжина ти по городомъ далече. а кнагини сѣдять въ избмѣни с дѣтьми.

а товара множество ѡ нкѣ. а поѣди в борзѣ. *Ипат. л. 6672 г.* А Святославъ пѣсти три сыны... а Ярославъ пѣсти своко сына Ростислава. а Олегъ Святославичъ пѣсти сына Давыда. *т. ж. 6699 г.*

— союзъ усилительн. объяснительный во вставочныхъ выраженіяхъ — всего, quoque: — Иже (лицемъ толчетъ) многажды. а помна. а то акы обидно. того възбранаи. *Вопр. Кир.* Жены Рускыя възплакаша а ркучи... Ярославна рано плачетъ... на забралѣ а ркучи. *Сл. плк. Иор.* Князь великїи послалъ за ними. а ркучи имъ возвратитесь на свои отчины. *Никон. л. VI. 110.* А которой наимить... дѣла его не ѡдѣлаеть а поидеть прочь. а ркучи тако грю... ино грю ѡ крѣта положити чего сочитъ. *Псков. суд. грам.* — Бѣди ти молитва. а на всакъ днь рано и вечеръ. Гѣ помилѣи. *Прол. XIII в.* — союзъ противительный = же, vero. — Лѣность... еже оумѣть то забудеть. а кго же не оумѣть. а тому са не (на)оучить. *Поуч. Влад. Мон.* — Княземъ слава а дружинѣ аминь. *Сл. плк. Иор.* (кажется, впрочемъ, слѣдуетъ читать: Княземъ слава и дружинѣ. Аминь). — союзъ разрѣшительный, начин. вторую половину услов. періода, подчиненный услов. союзу: ли, а ли, да ли, да же, аще = аче, оже и т. п. — то: — Аще вы послѣднатъ не люба. а переднатъ приймаите. *Поуч. Влад. Мон.* А ли вы са начнетъ немочи. а трижды

(поклонитеса). *т. ж.* Аще забываете всего. а часто прочитайте. *т. ж.* А кто же не оумѣючи. а тому са оучите. *т. ж.* Аче не любо ти а ворочюса дому моему. *Пов. вр. л. 6618 г. (по Ипат. сп.).* Даже которъи князь... почънетъ... а Бѣ боуди за тѣмъ. *Грам. 1130 г.* Аче ти ма ѡбити сынѣ на семъ мѣстѣ. а ѡбии. *Ипат. л. 6658 г.* Аже въбежать (Половци) къ вамъ. а биите ихъ ѡтогѣ. *Новг. I л. 6732 г.*

— союзъ разрѣшительный за предложеніемъ съ аще — пусть, да: — Аще ли кому не любя грамотица си. а не пошхрिताютьса. *Поуч. Влад. Мон.*

— въ соединеніи съ не — sed, vero: — А кже (дѣти у матерей) възболать. или къ възхвамъ несоуть. а не къ попови на молитвоу. *Вопр. Ил.* Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени. а не по замышленю Бояню. *Сл. плк. Игор.*

А: соединяется съ другими словами: см. абы, аже, ако, акы, али, ати = ать, аче = аще и пр.

АВИДНЫИ: — Авидному всему межи насъ судъ чистъ обчей. *Дог. гр. в. к. Вас. Дм. до 1399 г.*

АВИКЪ = АВЫКЪ — тотъ часъ, statim: — Глагола кмоу Исоусъ вѣстани... и авикъ цѣль бысть чловѣкъ. *Io. V. 8—9. Остр. ев.* Вѣскрьсе авикъ (*παράχρημα*). *Лук. VIII. 55. Остр. ев.* Он же ту авикъ поимъ жену свою и дѣтища свои и крѣдса. *Нест. Бор. Гмб. 7.* Мужъ слѣпъ оци прикладаи ицѣлениа просаше. и ави(к) прозрѣ. *Иак. Бор. Гл. 122.* — Аbye: *Изб. 1073 г.* часто, *Четвергов. 1144 г.* и др. — Этимъ словомъ переводятся Греческія слова εὐθύς, εὐθέως, *παράχρημα*, иногда и *ἄμα*. См. *Остр. ев. Io. IV. 51, VI. 21, XXI. 3. Лук. VIII. 55.* — По окончанію оно кажется прилагательнымъ сравнит. степени: ср. Греч. αἴψα, αἴφνης — внезапно, тотъ часъ. — Рум. абис.

АВЛАНЬ = ГВЛАНЬ — яблонь, malus: — Подъ абланью възбѣдихъ та. *Пис. пис. VIII. 5.* Акы аблань по средѣ дрѣвѣ. *т. ж. II. 3.*

АВЛАНЬГЪИ — прил. отъ аблань: — Въ абланнѣмъ ѡвоции. *Io. екз. Шест. л. 102 а.*

АВЛЪЕО = АВЛОЕО = ГВЛЪЕО — яблоко, pomum: — Бѣдѣтъ вона ноздремъ ти акы аблѣка. *Пис. пис. VII. 8.* Аблѣкы блѣоуханты. *Io. Злат. Быт.* Аблоко все злато постави. *Сказ. св. Соф. 12.* — Лит. Жмуд. obulis, Латш. ābols, А.Сак. āpl, āppel, Англ. apple, Дат. äble. Др.в.Н. arphal, Нв.Н. arfel. — См. **ГВЛЪЕО.**

АВО (= али бо) — или, vel: — Кто иметъ тое закладывать. або ѡ цркви бжѣега ѡдавливать и мстити емѣ Бгѣ. *Вкладн. грам. 1377 г.* За пѣнази рахуючи. або въ иншой речи. *Жал. грам. 1388 г.* — Ср. Луж., Серб. и Пол. avo.

АВРЪДИКЪ = АВРЪДЫКЪ = ГВРЪДИКЪ — собир. — вм. акриды, *ἀκρίδες*, locustae: — Гдѣ же кто бѣаше абрѣдыкъ і медъ дивии. *Мо. III. 4. Ев. Акад. XIV в.* — См. **ГВРЪДИКЪ.**

АВРЪДЪ — вм. акрида, *ἀκρίς*, locusta: — Гдѣ же кто бѣ абрѣдъ и медъ дивии. *Мо. III. 4. съ сп. Ев. XII—XIV в.* Бѣгана въ поустыни въдвораашеса. медъ дивии. и абрѣдъми. питалса цесара безаконноующа

обличилъ ксть. *Стихир. XII в. Ср. ОВРЪДА, АВРЪДИКЪ.* — Въ другихъ мѣстахъ, напр. *Иерем. LI. 14, 27 по сп. XV в. ἀκρίς* переведено **ПРОУГЪ**. Значило ли абрѣдъ дѣйствительно то же, что *ἀκρίς*, сомнительно: ср. Лит. brėdelis = abredėlis — сморчокъ; Гр. ἄβρι — вод. порость, alga, φύκος. Можно думать, что *ἀκρίς* было переводимо словомъ абрѣдъ въ слѣдствіе мнѣнія, принятаго многими толкователями Евангелія, что Іоаннъ Предтеча питался не насѣкомыми, а растеніями: *Switzeri Thesaur. I. 167—169. Ср. АЕРИДА, ПРОУГЪ.*

АВЫ — чтобы, дабы, ut: — Понциса к брату свокму... абы (*по Лавр. сп.* — дабы) ти помогъ. *Пов. вр. л. 6601 г. (по Радз. и Ак. сп.).* Лоуче быимъ. да бѣша доброу друоу поручили. давше что абы послѣди исправилъ. *Вопр. Кур.* Аще ли есть пшейица. абы не припути ни на камяни ни в терниі сѣялъ. *Кур. Тур. пис. Вас. Вадка (Мартурии) троужалса. (бѣ) и гора въ днѣ знокмъ. а въ ноць печалоугаса. абы коньцати и видети црковь свѣршноу и оукрашеноу. Новг. I л. 6704 г.* Псковичи бѣша челомъ Новугороду. абы имъ помогли. *Пск. л. 6915 г.* Молвили. абы в добромъ покои вѣйти тѣхъ вжковъ. *Грам. Отъ. 1351 г.* Абы коро бы бзпечнѣишии. *Грам. Дм. Олмерд. 1388 г.*

— если бы, si: — Съ абы былъ пророкъ. вѣдѣлъ оубо бы кто. *Лук. VII. 39. Остр. ев.* Господи. абы съде былъ. не бы оумрѣлъ братъ наю. *Супр. р. 231.* Абы не припорно ти слышати чюдно указаник. *Иак. посл. Дм. п. 1078 г.* Абы не попустилъ нѣинѣ юности грабити съ собою. *т. ж.* О Бояне. соловію старого времени абы ты сіа пѣкы уцекоталъ. *Сл. плк. Игор.* Абы прѣбылъ въ монастыри... то... и вышнаго царьства достоннѣ бы былъ. *Сим. пис. Верхусл. д. 1226 г. Ср. АЩЕ БЫ.*

— лишь бы, dummodo: — Придоша людѣ... просаще княза собѣ... и рече к нимъ Стославъ. абы пошелъ кто к вамъ. *Пов. вр. л. 6478 г.* Не вси са есмъи совкупили нѣинѣ. абы нѣи како створити миръ. *Лавр. л. 6657 г.* А дѣта крестаче дати причастык любо си и не приношено на вечернюю или на часы. абы на обѣдню. *Вопр. Кур.* Брате абы ти како не съгрѣшати болѣ. *т. ж.* Толико абы ми его видѣти въ трпѣнии мѣжающа. *Жит. Андр. Юр. XXX. 117.*

— состоя изъ части гл. быти, абы принимаетъ личныя окончанія прошед. врем. не только 3-го лица ед., но и другихъ: абыхъ, абыхомъ, абысте, абыша: — О Днепре... възмелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ; абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано. *Сл. плк. Игор.* А мы доколѣ хотимъ Рѣскю землю гѣбити. абыхомъ са уладили. *Ипат. л. 6656 г.* Абыша са той правде държали въ вѣкы. *Смол. гр. 1229 г. 2-й сп.* Пожадалъ есть у насъ... абыхомъ подтвердили. *Подтверд. гр. Казим. 1361 г.* Нынѣ абысте пустили жито оу Полотеско. *Грам. Иак. Поа. о. 1300 г.* Абыша вси вѣдѣли. *Пал. XIV в. 85.*

АВЫКЪ см. **АВИКЪ.**

АВВА — отецъ, pater, ἀββᾶ: — Авва отче. *Мр. XIV. 36.* Авва отць. *Рим. VIII. 14. Гал. IV. 6.* Авва отче нашъ. *Мин. Пут. XI в.* Въ лаврѣ аввы Савы. *Пат. Сим. XI в. 181.*

АВГВСТЪ см. **АВГВСТЪ**.

АВГВСТЪНЪИ — совершаемый по чину 1-го августа, ritu 1 aug. factus: — Собака же еще по грѣхомъ въ церковь въскочить. святити водою священиемъ августнымъ. *Кипр. посл. и. Ав. 1390 г.* Ср. въ *Треб.:* Егда песъ вскочитъ въ црковь и пѣти молебень храму и святити вода священникомъ имъ же свящакотъ августа въ а днь, и св. водою крестообразно покронити всю црковь и олтарь.

АВДОНОМЪ — ἀὐτόνομος, самодержецъ: — А съ Индѣйскимъ авдономомъ вышло рати своей 40 тысячь конныхъ людей. . . *Аван. Никит.*

АВИТИ, **АВЛЮ** = **АВИТИ**, **АВЛЮ** — явить, показать, ostendere: — Авитаса правдана. *Мин. XI в.* Аште праведнѣи едва съпасактса. нечестивѣи и грѣшнѣи кде авитса. *Супр. р. 97.* — Ср. Др. Сѣв. orinn, др. Нѣм. offan, А.Сакс. oren, урре. Дат. aaben, aabent. — См. **АВИТИ**.

АВОРОВЪ — прил. отъ аворъ: — Привазаша сватааго джбѣ соусъ аворовѣ. *Супр. р. 13.*

АВОРЪ = **АВОРЪ** — яворъ, platanus. Др.в.Нѣм. ahorn, ahurn, А.Сакс. ahorn, Лат. acer, acernus, Лит. ovasas = iavasas — тополь.

АВЪ — название Иудейскаго мѣсяца, который, по объясненію Греч. хронографовъ, продолжался отъ 24 июля до 22 августа. *Геор. Синк. 12.* см. въ *Изб. 1073 г.:* Мѣсаци Июдѣсмъ.

АВЪГАРЪ: — Авъгароу просиавъшоумоу. *Жит. Оед. Ст. 158.*

АВГВСТЪ = **АВГВСТЪ** = **АУГУСТЪ** — мѣсяцъ августъ, augustus, αὐγουστος, др. Сл. заревъ: — Мѣвъ августъ рекомъи. заревъ. имѣ днѣи. ла. *Стихир. XII в.* Мѣва аугоуста. пѣ стѣимъ. Макавеомъ. *Остр. ев. 283.* Аугоуста. слѣза не гажь. *Изб. 1073 г. 251 л.* Авъгоустъ иже и осмороднѣи (octavianus) т. ж. л. 264.

АВЪ = **АВЪ** — явно, manifeste: — Вьсѣмъ авѣ ксть. Аелеандре. гакъ влѣшъбами одолѣвакши. *Супр. р. 121.* Санскр. āvis — явно. — См. **АВИТИ**, **АВЪ**.

АГИАСМА = **АГИАСМА** — святая вода, aqua sacrata, ἁγίασμα: — Окропиши агіасмою. *Чинъ осв. плод. по сп. XVI в.* Агіасма еже есть общената вода. *Уст. пок. Дуб. сб. XVI в. 161.*

АГНИЦА = **АГНИЦА** — овца, овечка, агна: — Да принесетъ агницю едину. *Чис. VI. 14.* Оузърѣ тебе агница бога очѣщающа мироу прѣгрѣшениа. *Стихир. XII в.*

АГНОСОБЪИ — несущій агнца, ἀγνοφόρος: — Агноносноу та величакмъ. *Стихир. XIII в.*

(**АГНЪ**) — овенъ, agnus. Это первичное имя предполагается производными агнецъ, агноносьнѣи и пр. — Въ Болг. доселѣ во всѣхъ словахъ того же корня господствуетъ *a* безъ предыханія *j*: агне, агнися — агнитса, агнило — мѣсто и время ягненя.

АГНЪЦЪ = **АГНЕЦЪ** = **АГНЕЦЪ** = **АГНИЦЪ** — ягненокъ, agnus: — Се агньцъ бжии. *Io. I. 36.* Агньцъ незлобивъ. *Мин. Сент. XII в.* Вяч. Възрадоваша же са. . . агници чистѣи. *Иак. нам. Влад.* Агньца дшѣ мокта. *Трж. XII в.* Агньцъ пьрстѣмъ прѣдътеча гавлакмъ. *Ефр. Крм. Трул. 82.* Жретса агнецъ Бий въземаи грѣхы всего мира. *Служ. Варл. XII в. 11.*

АГНЪЦЪ, прил. отъ **АГНЪЦЪ**, agni: — Блажени звани на вечерю брака агнча. *Апок. XIX; 9. сп. XIV в.*

АГНА = **АГНА**, мн. **АГНАТА** = **АГНАТА** — ягненокъ: Иако агна на дрѣвѣ Ха распаша. *Мин. Пут. XI в.* Стѣи же Глѣбъ молчаше акы агна незлобиво. *Нест. Бор. Гл. 25. Стихир. Новг. до 1163 г.* Мълчиши гакъ и кротко агна. *Отеч. 217.* — Лат. agnus, Греч. ἀγνός. — См. **АГНА**.

АГНАДИКЪ = **АГНАДИКЪ** — собир. — чернотополь, poruli nigrae, αἰγύρος: — Агнадикъ бо и врѣбию. и брѣстинъ. и тополию. *Io. екс. Шест. л. 98.* — См. **АГНАДИКЪ**.

АГОДА = **АГОДА** — ягода, басса: — Иако лоуспа шипъчна агодѣ ти. *Обр. мав. Мин. Чет. фсвр. 274.* — На выговорѣ *a*, а не *ja*, въ этомъ словѣ указываютъ производныя агодичикъ и агодичина. — Латш. ūga, Лит. ūga, ūgas, Лат. uva. — См. **АГОДА**.

АГОДИЧКЪ = **АГОДИЧКЪ** — собир. — смоковіе, susomori: — Посѣчемъ агодичикъ ихъ и кедры. *Ис. IX 10.* (Въ друг. су. чьрничикъ: συκάμινος). Аще ли градара агодичикъ чешжа прѣка съдѣловактъ и. (συκάμινος) *Гр. Наз. XI в. 369 г.* — См. **АГОДИЧКЪ**.

АГОДИЧИНА = **АГОДИЧИНА** — смоковница, susaminus, susomorus: — Малъ сѣи доуховнѣимъ тѣлѣмъ акы Заккен онъ ти и вѣше дрѣвнѣи агодичинѣи възидетъ. *Гри. Наз. XI в. 7 г.* — См. **АГОДИЧИНА**.

АДАМАНТИНЪ — ἀδαμαντίνος: — И се мужъ стоа на градѣ адамантини. *Амос. VII. 7. Унвр.*

АДАМАНТОВЪ — ἀδαμαντίνος: — Грѣхъ Иудинѣ писанъ естъ графисю желѣзноу на ногти адамантовѣ. *Иср. XVII. 1.*

АДАМАНТЪ — алмазь, adamas, ἀδάμας: — Междъ же дѣвѣма змарагдома камыкъ адамантъ (въ ефудѣ). *Изб. 1073 г. л. 120 об.*

АДАМАСЪ: — Абинъ вьснѣше адамасъ (въ ефудѣ). *Изб. 1073 г. л. 120 об.* И се мужъ стоа на градѣ адамантини и въ руцѣ его адамасъ. рече Гѣ ко мнѣ. что ты видиши Амосе и рѣхъ адамаса. *Амос. VII. 7—8. Унвр.*

АДАМАШКА = **ОДОМАШКА** = **ДАМАШКА** — сортъ камки, которая привозилась изъ Дамаска: — Адамашка ленаетъ. *Торг. кн. XVI—XVII в. (Савв. 147).* Тѣлогрѣя камка адамашка мелкотравная. *Плат. цар. Евд. Лук. (Савв. 114).*

АДАМЪ и **АДАМЪ ЗАВЪТЪ** — книги объ Адамѣ изъ числа отреченныхъ; о нихъ упомянуто въ *Сказ. о кнж. истин. и ложн.* Одна изъ нихъ помѣщается въ сборникахъ подъ названіемъ Слова о Адамѣ и Еввѣ. См. въ *Пам. отреч. Рус. литер. I. 1—17.*

АДАРЪ — ἀδάρ — название одного изъ мѣсяцевъ Иудейскихъ, продолжавшагося, по объясненію Визант. хро-